

Камерность против сумасбродства

Фортепианные концерты на фестивале «Декабрьские вечера»

Газета - 2005 -
26 дек. - с. 31

Поляра Садых-заде

Фестиваль «Декабрьские вечера» был основан пианистом Святославом Рихтером. Неудивительно, что именно камерное музицирование на рояле всегда было надежной и прочной основой фестиваля. Нынешние, двадцать пятые «Вечера» выдались особенно урожайными на пианистов. Целое созвездие великолепных музыкантов — Михаил Плетнев, Эльдар Небольсин, Елизавета Леонская, Василий Лобанов, Александр Мельников, Петр Андершевы, Элисо Вирсаладзе — выступило на «Вечерах», внося свою лепту в создание обширной портретной галереи современного пианизма. Каждый из них обладает исключительно яркой индивидуальностью. Но даже на этом блистательном фоне имени Валерия

Афанасьева и Олега Майзенберга привлекли особое внимание. Судьбы двух музыкантов схожи: оба учились в Москве, один — в Консерватории, другой — в Гнесинке. Оба завоевывали награды на престижных европейских конкурсах. Оба стали «невозвращенцами»: Афанасьев — раньше, Майзенберг — позже. Оба сделали впечатляющую карьеру на Западе; хотя Афанасьев предпочел добровольное отшельничество под Версалем, а Майзенберг является профессором венского Университета музыки. Оба потрясающе умеют играть на рояле: и соло, и в ансамбле. И свои замечательные ансамблевые качества они щедро демонстрировали на нынешнем фестивале.

Афанасьев взялся выступить с молодым, но уже довольно раскрученным гобоистом Алексеем

Огринчуком и фаготистом из Нидерландов Густаво Нуньесом (в России не известным никому). Программа подобралась затейливая: в первом отделении — Бетховен, во втором — Павел Хаас, Камилль Сен-Санс и Франсис Пуленк. Конечно, публику гораздо больше интересовал Бетховен, чем голландец Хаас. Тем более что была заявлена Тридцать вторая соната Бетховена,opus 111 (та самая, про которую пространялся на пятнадцати страницах Томас Манн в «Докторе Фаустусе»), а также Трио. Трио вообще-то писалось для фортепиано, кларнета и виолончели, но здесь его переложили для фагота, гобоя и рояля.

Кардинальное изменение тембрового окраса, естественно, не прошло без ущерба для произведения. Интенсивно-вибрирую-

щий, хрипловатый голос виолончели заменили на гнусавый фагот; вместо насыщенно-густого темного звучания кларнета предложили гораздо более облегченный и лиричный звук гобоя. Замена вышла неравноценная; как ни старались исполнители восполнить тембровое однообразие эмоциональной игрой, получалось у них плоховато. Ухо беспрестанно сравнивало игру Афанасьева с исполнительским классом духовиков. Разница была очевидной: до Афанасьева с его высочайшим уровнем интонационного мышления ребятам было далеко как до звезды. По сравнению с интеллектуалом Афанасьевым гобой Огринчука звучал простовато и как-то слишком предсказуемо. Ни глубины, ни подтекстов, ни той элегантности, коей в полной мере наделен Афанасьев.

Афанасьевская интерпретация Тридцать второй сонаты оказалась парадоксальной и обдуманно провокационной. Казалось, пианист дразнит публику, намеренно артикулируя ритмически одинаковые фразы тысячами разных способов. По сравнению с Трио в сонате Афанасьев показал совсем другой тип пианизма — нахально-волонтиаристский, прихотливый и сумасбродный. Это было изломанное, эстетское, предельно индивидуалистичное видение Бетховена музыкантом XXI века.

После Афанасьева другой концерт — Роберта Холла с Олегом Майзенбергом — воспринимался как оазис камерного музицирования в самом образцовом его выра-

жении. Приверженность певца исполнительским традициям XIX века приятно радовала. Немецкие Lied Брамса он пел так, как их пели от века — серьезно, с глубоким искренним чувством, с тонкой филигранной фразировкой. Мягкое, обволакивающее фортепиано Майзенберга, поддерживая певца негромким аккомпанементом, очень гармонировало с голосом певца — низким и благородным.

Холл выбрал для Liederabend самые хрестоматийные песни Брамса на слова Клауса Грота — все три «Тоски по родине», «Песню дождя», «Твои голубые глаза», «Мое раненое сердце».

Во втором отделении Холл так проникновенно спел цикл Шумана «Любовь поэта», что довел зал до слез. И радость встреч, и горечь сожалений, и нестерпимая боль отвергнутого сердца слышались в его пении.

Такие утонченные эстетические переживания способна доставить только камерная музыка. Здесь цветут чувства тихие, интимные. И поэтому в наш век камерная музыка обречена на прозябание, она далеко не так востребована, как музыка оркестровая или, скажем, опера. В смутные времена в ход идут призывы и декларации, крупные формы, громкие голоса, социально окрашенные произведения. Камерность же прорастает в покое, в стабильном обществе с сильными семейными ценностями и традициями. Если вдруг у нас наступит расцвет камерного музицирования, знайте: жизнь начала налаживаться.

Фото: ИТАР-ТАСС

Рихтер Святослав
(представление)

26.12.05